

Суперприложение без обновлений. В чем преимущества и недостатки плановой экономики

Советская экономика десятилетиями удивляла мир быстрым ростом, нобелевский лауреат Пол Самуэльсон даже [предсказывал](#), когда она обгонит американскую, но в какой-то момент она утратила темп. Почетный профессор РЭШ Владимир Попов*, автор недавно изданной [книги](#) «Китайская модель», объясняет, почему это произошло и в чем заключается «встроенный дефект» плановой системы.

Немало российских предприятий до сих пор работает на оборудовании, которому почти 100 лет. Даже если не принимать во внимание постсоветский период, это означает, что в конце 1980-х гг., на закате СССР, использовалось оборудование примерно 50-летней давности. Это оборудование – иллюстрация того, что погубило советскую экономическую систему.

Казалось бы, при возможностях плановой экономики концентрировать ресурсы и направлять их в нужное русло, при огромной доле инвестиций в ВВП устаревшее оборудование – дело немыслимое. Тем не менее это было системой.

Советская аномалия

Когда речь заходит о советской экономике, самое популярное объяснение возникавших в ней проблем – она просто «не работает»: невозможно все просчитать, неправильные стимулы и др. Однако, если все объяснять природой плановой экономики, не ясно, почему она демонстрировала исключительно высокие, прямо-таки «азиатские» темпы роста в 1950-х гг. (а не в 1930-х, как обычно считается). Производительность труда в СССР тогда росла на 6% в год – не по официальной статистике, а по альтернативным оценкам, которые более консервативны.

Затем темпы начали снижаться: 3% в 1960-х, 2% в 1970-х и 1% в 1980-х. Что-то пошло не так, но что? Ссылки на нефтяные цены не помогают: они радикально снизились в 1986 г., а когда в 1973–1982 гг. цены были очень высокими, рост не ускорялся.

Вопрос, куда делась советская конкурентоспособность, лишь кажется простым. Замедление темпов роста в СССР в 1960-х – 1980-х гг. прекрасно объясняется традиционными (модель Солоу) теориями экономического роста, однако возникает дополнительный вопрос: почему в похожих ситуациях другим странам удавалось сохранять набранный темп, а СССР – нет?

Классическая традиционная теория предполагает, что по мере увеличения доли инвестиций в ВВП (в СССР они увеличились с 15% в 1950 г. более чем до 30% в 1985 г.) отдача от них должна сокращаться и темпы роста экономики, соответственно, замедляться. Но как тогда быть с «азиатскими тиграми»? Или с Китаем, у которого доля инвестиций в ВВП выросла с 30% в 1970–1975 гг. почти до 50% в 2005 г., что не мешало ему почти три десятилетия, с 1979 по 2007 гг., расти на 10% в год.

В классической теории экономического роста считается не очень выгодным форсировать инвестиции – ускоренно накапливать капитал без соответствующего увеличения вложений других факторов производства (труда, земли): эффективность капиталовложений снизится, так что рост если и ускорится, то ненамного и ненадолго. Поэтому на Западе советский опыт десятилетиями считался хрестоматийным примером «болезни чрезмерного инвестирования», ведущей к падению совокупной факторной производительности, в 1970-х – 1980-х гг. ее вклад даже стал отрицательным. СССР называли лучшей иллюстрацией выводов классической модели Солоу, предсказывающей, что долгосрочные темпы роста не зависят от доли инвестиций в ВВП, а отдача от этих инвестиций падает по мере увеличения накопления капитала. В СССР, похоже, все так и происходило. Но опять же как быть с Японией и Южной Кореей, Тайванем и Сингапуром, а затем и Китаем, где при очень высокой доле инвестиций в ВВП быстрый экономический рост продолжался несколько десятилетий?

Чтобы это объяснить, появились модели так называемого эндогенного роста, в которых технический прогресс сам зависит от накопления физического (машины, сооружения) и человеческого (знания, профессиональные навыки) капитала. Такие модели предсказывали, что при большой доле инвестиций в ВВП поддерживать высокие темпы роста экономики можно бесконечно долго. Если же рост замедляется, как в Японии, Корее, на Тайване и в СССР, то, значит, виноваты какие-то специальные факторы, ошибки в экономической политике.

Вот только в Японии, Корее и на Тайване рост замедлился, когда они уже догнали развитые страны, а в Советском Союзе – еще до того, как его ВВП на душу населения приблизился к уровню лидеров. Так что история замедления советского роста все же про плановый характер экономики.

Поверить алгеброй гармонию

Главный недостаток плановой экономики – так называемая проблема экономического расчета: невозможность на практике сбалансировать спрос и предложение на миллионы товаров и услуг – для этого нужно рассчитать миллиарды пропорций. Реально можно было разработать обоснованный сбалансированный план в лучшем случае для 1% продукции, для которой планировщики фактически устанавливали задания в натуральных единицах.

Даже если бы эта проблема была решена и матрица космического размера с технологическими коэффициентами (затраты i -го ресурса на производство j -го продукта) была известна, а сверхмощные компьютеры рассчитали, кому, чего и сколько нужно произвести, осталась бы проблема с динамикой. Единственный советский нобелевский лауреат по экономике (1975 г.) Леонид Канторович математически доказал, что не только равновесие, но и равновесие на оптимальном уровне теоретически возможно в статичной плановой экономике. Но непредсказуемый технический прогресс и инновации постоянно меняют условия, новые продукты появляются не по плану, а стихийно. Именно об этом писал Людвиг фон Мизес в работе «Экономический расчет в социалистическом содружестве». Фридрих Хайек в «Дороге к рабству» утверждал, что планировщики никогда не будут иметь достаточно информации для разумного распределения ресурсов.

Здесь мы наконец подошли к ответу на центральный вопрос, почему темпы роста производительности в советской экономике стали падать с пика 1950-х гг.

Обновление недоступно

Потери плановой экономики, конечно, необходимо сопоставлять с выгодами. Преимущества плановой системы – способность мобилизовать внутренние сбережения на низком уровне развития без увеличения неравенства доходов и, следовательно, возможность ускорить экономический рост, чтобы обеспечить догоняющее развитие, – могут показаться впечатляющими по сравнению с издержками неэффективности.

Неизбежные в плановой системе диспропорции и дефициты на первых порах после «большого толчка», пока инвестиции значительны, а выбытие основного капитала невелико, можно было устранять, создавая новые производственные мощности. Такие капиталовложения играли роль балансира, универсального инструмента борьбы с диспропорциями и дефицитом: не хватало кирпича – строился кирпичный завод, не хватало нефти – вводились в строй новые месторождения. Главный встроенный порок плановой экономики – неспособность связать воедино производство и потребление – компенсировался способностью направлять инвестиции на расшивку узких мест.

Но через 20–30 лет после «большого толчка», когда начинается выбытие основных фондов – машин и оборудования, производственных мощностей, введенных в строй при переходе к плановой экономике, – на их возмещение требуется все больше капиталовложений. Инвестиций уже не хватает на новые мощности, которые расшили бы узкие места, как было прежде. Приходится делать трудный выбор: менять или хотя бы ремонтировать старое оборудование либо строить новые мощности для устранения дефицита. Оба варианта плохи: если старое оборудование не менять, его производительность падает, а если не расширять мощности для производства недостающей продукции, снижается загрузка предприятий, оставшихся без нужных ресурсов. Третьего плановой системе не было дано.

На первый взгляд проблема легко решалась: достаточно было перенаправить инвестиции со строительства новых мощностей на реконструкцию старых. Именно в директивно планируемой экономике такой маневр был возможен, ибо речь шла не о микропропорциях, в поддержании которых план уступал рынку, а о крупномасштабных структурных сдвигах, в осуществлении которых плановая система не раз доказывала свое преимущество.

Однако это как раз тот случай, когда долгосрочные цели плановой системы входили в противоречие с самым главным принципом ее функционирования – плановым заданием. Главным критерием оценки деятельности предприятия не случайно было выполнение «плана по валу», и отказаться от этого принципа, не меняя самой природы системы, было абсолютно невозможно. Невыполнение плана грозило еще большим обострением дефицита.

Для замены устаревшего оборудования нужно было остановить производство, что означало невыполнение плана. Но даже если бы можно было заменить его мгновенно, стимула для этого не было. Новый завод или линия с новым, более производительным оборудованием в краткосрочном плане позволит увеличить выпуск больше, чем реконструкция старого. Поэтому инвестиции в любом случае были бы направлены на строительство новых заводов или расширение действующих мощностей. При этом была надежда, что старый завод как-то продержится без реконструкции и продолжит выпуск продукции до тех пор, пока не введут новые мощности.

Поэтому решения о замене оборудования постоянно откладывались, а устаревшее и изношенное оборудование ремонтировалось до бесконечности, затраты на капремонт составляли добрую треть всех капиталовложений.

Концентрация капиталовложений на строительстве новых и расширении действующих мощностей, таким образом, была не управленческой ошибкой, но неотъемлемым принципом функционирования советской плановой системы, ставившей во главу угла выполнение плановых заданий. Это позволяло быстро

увеличивать производство дефицитной продукции и смягчать остроту постоянно возникающих дефицитов.

Вот и получается, что после массовых инвестиций 1930-х гг. пик производительности в СССР был достигнут, когда подошел к концу срок службы основного капитала – примерно через 20–30 лет. После этого нужны были массовые инвестиции в его замену, но их было мало, и основной капитал стал быстро стареть, вызывая снижение фондоотдачи и даже совокупной факторной производительности, несмотря на рост производительности труда.

В советской экономике средний возраст машин и оборудования, зданий и сооружений был высоким и постоянно [рос](#). За 20 лет с 1970 по 1989 г. накопленная в промышленности амортизация увеличилась с 26% валовой стоимости основных фондов до 45%, средний возраст промышленного оборудования – с 8,3 до 10,3 года, а средний срок его службы достиг 26 лет. Доля оборудования со сроком службы более 10 лет возросла с 29% в 1970 г. до 35% в 1980 г. и до 40% в 1989 г. Норма выбытия основных фондов в советской промышленности в 1980-х гг. составляла 2–3% против 4–5% в обрабатывающей промышленности США, а советские машины и оборудование служили в среднем от 25 до 33 лет против 16–20 в США.

По оценке специалистов Госплана, к середине 1980-х гг. около четверти всех основных фондов в промышленности составляли «избыточные» мощности, не обеспеченные рабочей силой, а во всей экономике – около 1/5. На 100 станков приходилось только 63 станочника. Плановая экономика может строить новые мощности и расширять действующие, но, когда дело доходит до обновления, она не может тягаться с рыночной.

Вот почему президент ВТБ Андрей Костин, возглавляющий совет директоров Объединенной судостроительной компании, в 2025 г. [рассказывает](#) про верфи с оборудованием 1930-х гг.

Советская модель догоняющего развития при всех ее недостатках в 1950-х –1960-х гг., безусловно, была конкурентоспособной и в экономике, и в социальной сфере. В середине 1960-х гг. продолжительность жизни в СССР была 70 лет, немногим меньше, чем в Америке, – невиданное социальное достижение для страны, подушевой ВВП которой не дотягивал до 40% от американского, а подушевое потребление было и того меньше. Недаром развивающиеся страны пытались копировать эту модель.

Но у плановой экономики был свой цикл развития: она работала эффективно 20–30 лет, а потом начинала барахлить. В это время ей необходим капитальный ремонт – реформы.

Попытка была – реформы 1965 г., которые проводило правительство Алексея Косыгина. Они, в частности, предполагали трехкратное сокращение количества директивных плановых показателей (с 30 до 9), расширение хозяйственной самостоятельности предприятий и переход к оценке их работы на основании прежде всего эффективности (прибыли и рентабельности), а уже потом выполнения плана. Предприятия получали большую возможность самим определять, какую продукцию им выпускать, выбирать поставщиков, а также осуществлять инвестиции за счет собственных средств. Целью было повышение эффективности производства и ускорение экономического роста, но уже в конце 1960-х гг. реформы были свернуты.

Возможно, тогда и была пройдена развилка и упущен шанс избежать экономического застоя.

Вовремя провести реформы получилось у Китая. В результате он смог сначала использовать по полной преимущества плановой системы, а потом преодолеть ее недостатки. Об этом – в следующей колонке (и в книге Владимира Попова «Китайская модель»).

**Мнение автора может не совпадать с мнением редакции*